

В ДОЖДЬ *

Вор затаился под навесом маленького храма, посвященного богу Хатиману. Его звали Какити.

Днем Какити работал точильщиком. Он ходил по улицам Эдо с ящиком на плечах, в котором лежали точильные камни, и точил ножи, серпы и ножницы. Случалось, его просили наточить пилу, тогда он брался за напильник. Так, ходя по домам, он примечал, где что плохо лежит, и ночью еще раз наведывался туда. Но не думайте, будто Какити работал точильщиком, чтобы обманывать людей или присматривать дома для кражи. Он действительно любил свою работу и делал ее добросовестно.

Но все же порой его словно бес в бок толкал, и тогда он забирался в чужие дома. В эти моменты он ощущал себя вором до кончиков пальцев. Идя на кражу, всегда знал, что если поднимется шум, то он не остановится даже перед убийством. Так он промышлял уже несколько лет, и до сих пор ни разу не попался.

Лил ужасный дождь. Какити ждал, пока он перестанет, наблюдая, как барабанят о землю струи дождя, рассыпаясь в темноте сверкающими брызгами. По ту сторону дороги тянулась, преграждая путь, невысокая изгородь. За ней стояла антикварная лавка Оцуя, куда он нынче собирался залезть. Этот магазинчик процветал, выписывая товары из столичных городов – Осаки и Киото.

Когда его приглашали работать, Какити садился обычно на заднем дворе. Он неторопливо занимался своим делом, иногда заходя в дом, чтобы попросить воды или воспользоваться уборной, и за это время успевал прикинуть, стоит ли забираться сюда ночью.

Если дом представлял какой-то интерес, Какити задерживался с работой подольше, просил позволения зайти на кухню, ел не торопясь, внимательно изучая и запоминая все входы и выходы.

За едой частенько перекидывался шутками со служанками. В свои тридцать два года Какити был среднего роста и телосложения. Не красавец и не урод, ничем не примечательная внешность, но служанки, узнав, что он не женат, вдруг становились словоохотливыми. Поведение прислуги тоже много значило. Наметанным глазом опытного вора Какити с ходу определял, что ждет его в доме.

В Оцуя его уже приглашали дважды. В третий раз, сегодня, Какити, уходя с заднего двора, слегка расшатал болты на щеколде. Когда черный ход запрут на ночь, засов не ляжет плотно, а будет болтаться. В приличных домах в таком случае сразу вызвали бы плотника и починили засов, но Какити рассчитывал, что в Оцуя этого не сделают. Наверняка одну ночь как-нибудь обойдутся.

– Если не получится, придется лезть через забор, – подумал Какити, сверкая глазами.

Осталось подождать, пока дождь перестанет. Дождь полил внезапно, едва он пришел сюда, но Какити надеялся, что это ненадолго. На ночном небе местами появлялись бледные просветы.

---

* Фудзисава Сюэхэй родился в 1927 г. в префектуре Ямагата. После переезда в Токио работал корреспондентом одного из отраслевых печатных изданий. После того как в 1971 г. его рассказ «Темное море», повествующий о жизни художников – создателей жанровых гравюр укиё-э, завоевал премию Ёмиури для начинающих литераторов, Фудзисава занялся активной творческой деятельностью. За сборник исторических рассказов «Летопись тайных убийств» он получил литературную премию Наоки, после чего ушел из газеты и полностью посвятил себя литературе. Благодаря своему непревзойденному мастерству писателя ему удалось стать автором неизменно популярных произведений на историческую тему как раз в тот переходный период, когда со сцены уходили одни писатели этого жанра и появлялись другие. Он также является создателем нового стиля в области произведений о мастерах клинка, например в серии «Хроника одинокого меча». Известны и другие его серии: «Несколько дней из жизни телохранителя», «Записки тюремного врача Нобору Татибана». Общий тираж книг Фудзисава превышает 23 млн. экземпляров. Рассказ «В дождь» (*Хасириамэ*) ранее не был переведен на русский язык.

Никто не заметил, что Какити спрятался под навесом храма. Когда он проскользнул в свое укрытие, несколько человек торопливо прошли мимо, и после этого прохожих не было, только дождь все барабанил и барабанил по дороге.

Вдруг послышались шаги и голоса. В крохотный дворик храма вбежали двое, и Какити в панике забился подальше под навес и затаился.

– Ой, уже так поздно, что же мне делать? – голос принадлежал молодой женщине.

– Да ничего. Скажешь, что дождь в пути застиг, укрылась и пережидала. Мамаша и не рассердится, – отвечал голос молодого человека.

Его легкая женственная манера речи свидетельствовала, что мужчине часто приходится общаться с покупательницами, может быть, он продавец галантереи или тканей для кимоно.

Женщина с упреком проговорила:

– Это все молодой барин виноват. Я-то думала, мы сегодня встретимся, чаю только попьем и сразу домой.

– Но ты же шла со мной и не возражала? – подавляя смехок, мягким голосом сказал мужчина, названный молодым баринном.

– Это Вы меня соблазнили, женщины такие слабые. Я уже жить не могу без молодого барина.

Тут наступило полное молчание, слышен был только шум дождя, наверняка мужчина и женщина обнимаются. По их разговору выходило, что сын хозяина лавки и служанка, его любовница, пошли каждый по своим делам в город, по дороге встретились и вот, пожаловали сюда. Какити прищелкнул языком от досады.

– Вот черти! Убрались бы поскорей отсюда, – заворчал он про себя.

Женщина, будто внезапно очнувшись, обеспокоено сказала:

– Ах, мы делаем такие вещи, что дальше с нами будет?

– Не беспокойся. Я же тебе говорил – положишься на меня.

– Вы на мне женитесь?

– Ну, конечно.

– Хорошо как!

Тут они снова замолчали, похоже, опять обнимаются и целуются. Какити разозлился. Дождь тем временем пошел тише. Вот опять! Женщина неуверенно заговорила:

– Я хочу сказать, а если...

– Что?

– Ну, если будет малыш, что делать?

– Ребенок? – испуганно переспросил мужчина. Потом вдруг рассмеялся.

– Ты что, пугаешь меня?

– Я вовсе не пугаю, – голос женщины неожиданно обрел твердость. Видно, это была женщина с характером. – Я говорю, если так случится, то...

– ...

– Но у меня уже два месяца нет *этого*.

– Не может быть, – мужчина опять засмеялся. Но это был неискренний смех. – Ты это говоришь, чтобы проверить мои чувства?

– Во все нет, – сказала женщина с тяжким вздохом. – Кажется, я и вправду затяжелела.

– ...

– Что делать?

– Ты спрашиваешь, что делать? – в замешательстве произнес мужчина. Недавняя мягкость исчезла из его голоса. – Надо еще подождать, вдруг это не так.

– А если еще подождем, и это так, тогда что делать?

– ...

– Вы скажете про меня хозяину и хозяйке?

– Ну, – отвечал мужчина пугающе ледяным тоном. – Тогда уже ничего не останется, как сказать.

– Вы обещаете?

– ...

– Если не скажете, я сама расскажу хозяйке.

– Да понял, понял, – торопливо ответил мужчина. – После об этом поговорим. Ты так вымкла, иди первая. Я за тобой пойду.

– Мы еще встретимся?

– Угу.

Деревянные *гэ*та застучали по камням храмового дворика. Женщина ушла.

Чуть погодя мужчина пробормотал:

– Это не шутки. Если отец узнает, из дому выгонит.

И тут же низким голосом на театральный манер продекламировал:

– Ты поспешил, Исэя Токусабура, и это самая большая ошибка в твоей жизни!

Какити решил, что мужчина увлекается театром.

Больше ничего не было слышно, и Какити, осторожно выглянув, увидел, что мужчина тоже ушел. Наверное, побежал под дождем догонять женщину.

Какити вздохнул с облегчением и прислушался к шуму дождя. Как он и ожидал, мелкий морозящий дождик уже почти перестал. Потоки воды ослабли и больше не разбивались с брызгами о землю, а тихо капали, но и эти звуки понемногу затихали.

– Как кончится, полезу, – подумал Какити.

Он уже решил, откуда залезет в дом. С черного хода возле кухни. Оттуда сразу проберется в кухню и попадет в коридор. Там комнаты прислуги, поэтому надо быть очень-очень осторожным.

В лавке три служанки, одна из них приходящая, вечером уходит домой, а остальные две живут тут же, в доме. Одна служанка, по имени Окиё, которая до отвращения бесцеремонно льнула к нему, узнав, что он не женат, – вот, выпей чаю, да возьми печенье – его не беспокоила. Такая крепкая женщина будет спать – ничего не услышит. Но вот другая, немолодая вдова лет пятидесяти с небольшим, была худа. Наверное, спит чутко. Надо постараться поменьше шуметь. Минувя комнаты прислуги, он пройдет прямо в гостиную.

У Окиё он узнал, что соседняя комната – спальня хозяев, но, скорее всего, шкатулка с дневной выручкой будет стоять ночью в пустой гостиной.

Накануне Какити, проходя с извинениями в уборную мимо гостиной, заметил, как хозяин и приказчик о чем-то оживленно беседуют перед шкатулкой. Дверцы шкафчика под домашним алтарем были открыты, и там вроде было пусто, значит, шкатулка должна быть спрятана там, точно. В лавке Оцуя дневную выручку в тот же вечер не переносят в кладовую. Сам как-то видел, точа ножи на улице...

Мысли Какити вдруг были прерваны. Перед маленькими воротами храма, откуда ни возмись, возникли черные тени, они переговаривались шепотом. На сей раз это были двое мужчин. Какити снова забрался под навес и притаился. Навострил уши. Но мужчины говорили тихо, слов не разобрать, к тому же очень долго. Какити рассердился. Проклятье, до каких пор они будут болтать! Когда он уже про себя ругался последними словами, один наконец громко сказал:

– Я здесь совсем вымок. Давай зайдем под тот навес.

Под тем навесом стояла статуя бога Хатимана. Какити уже весь извелся. Но голос, произнесший эти слова, заставил его насторожиться. Не то, чтобы голос показался ему знакомым. Но звучал он так мрачно, что дрожь пробирала. «Это люди непростые», – подумал Какити.

– Я ухажу, – сказал другой. Он тоже говорил таким ужасным голосом, какой невозможно представить себе у честного человека. – Разговор закончен, Мино.

– Нет, еще не закончен, – первый мужчина приглушенно рассмеялся. Но смех прозвучал не особенно весело и тут же оборвался, он продолжал:

– Что взял – то мое. Я дело знаю. Хоть ты и старшой, но я не позволю забирать мою долю. Давай сейчас же договоримся.

– Как ты не понимаешь. С последней игры мы ничего не взяли. Я тебе говорю, что никто не получил.

– Такэ так не говорил.

– Что мне за дело, что говорил Такэ? Но я гроша ломаного не взял, и твоей доли нет. Понял? И разговор окончен.

– Если ты и дальше будешь запираешься, я все скажу хозяину.

– Хозяину?

– Да. Если Тагая попадет на шулерстве, хозяин, поди, очень расстроится. Он строго сказал, чтоб этого не было в нашем игорном доме. Если ты не отдашь, я все выложу ему.

– Прекрати, – жестко сказал мужчина, которого назвали «старшой». – Ты просто дурак. Скажешь, и что дальше?

– Ну, что будет дальше... – насмешливо протянул Мино. – Вот выяснится, сколько мы состригли с Тагая в тот вечер, я и узнаю, сколько мне причитается.

– Да перестань, Мино, – голос старшого потерял былую уверенность. – Если выдашь всех, тогда нам с тобой несладко придется. Я-то ладно. Но ведь это касается и Скэдзо.

– Вот как. Тогда я буду молчать, но ты мне отдашь мою долю.

– Ты меня шантажировать собрался?

– А что прикажешь делать? – Мино издевательски засмеялся. – Что, улики веские, старшой? Ты ведь нашу долю положил за пазуху. И потратил на эту шлюшку Окими.

– Что?

– Она моя подруга. Я вызнал, как она с тобой торговалась.

– О, да ты ловкач, – сказал старшой. И неожиданно мягким голосом спросил: Только ты об этом знаешь?

– Ну конечно. Если ты будешь тут комедию ломать и не отдашь мою долю, я и про женщину хозяйину все выдам. Не такой я дурак, как ты думаешь. Э, ты что?

Внезапно на дорогу вылетела черная тень. Следом за ней показалась еще одна, как будто обнимая и толкая её сзади. Какити увидел, как в руке второго мужчины блеснуло лезвие кинжала. Сдавленный крик разорвал ночную тишину, две тени слились в одну и покатались по дороге. Завязалась ужасная драка. Словно дикие звери, дерущиеся за добычу, двое мужчин, вполголоса изрыгая ругательства, сцепившись, катались по дороге. Дождь все еще моросил. Мужчины вымазались в жидкой грязи с головы до ног, но не прекращали драться. Похоже, они собирались бороться до конца.

Наконец, один оседлал другого и с размаху вонзил в него кинжал. Все стихло. Раненый не издавал ни звука, скорее всего тот, что сверху, зажимал ему рот. Вскоре победитель поднялся на ноги. До ушей Какити доносилось его прерывистое дыхание. Некоторое время мужчина, переводя дух, смотрел на лежащего, потом, резко повернувшись, словно растворился в темноте. Только черное неподвижное тело осталось лежать на земле.

До этого момента Какити безучастно наблюдал за дракой двух диких зверей, но когда победитель скрылся, он подошел к воротам и посмотрел на дорогу.

– Помер, что ли, – с досадой пробормотал он.

Жалости к убитому не было и в помине. В душе Какити шевелилась злость. Только людям работать мешают.

Пока посреди дороги лежал убитый, нечего было и думать забраться в лавку Оцуя. В такой час прохожих уже не было, но нельзя терять осторожность. Если кто-нибудь, проходя мимо, обнаружит труп, пока Какити орудует в доме, то во всей округе, несмотря на поздний час, поднимется большой переполох. Сбегутся всякие чиновники. Чисто сработать не получится.

– Спрятать его за храмом, что ли.

Прямо за статуей бога Хатимана росли редкие кустики. Задача нелегкая, но ничего не оставалось, как перетащить труп туда и спрятать на время. Но не тут то было. Стоило Какити, бормоча проклятия, подойти поближе и выйти на дорогу, как покойник что-то промычал.

– Черт возьми, да он живой!

Какити метнулся за ворота и притаился, изумленно наблюдая, как лежавший мужчина медленно поднимается. Несколько раз он пытался встать и снова падал, наконец, с трудом выпрямился и, шатаясь, побрел по дороге. Неверной походкой, едва не падая при каждом шаге, но мужчина понемногу удалялся.

– Иди-иди давай, не падай, – вслед ему сказал Какити.

Не то, чтобы он особенно сочувствовал этому мужчине. Единственное, что его беспокоило – если тот все же содохнет, так чтоб хоть успел отойти подальше. В те вечера, когда Какити выходил на свою воровскую работу, он становился черствым как камень.

Мужчина, пошатываясь, исчез в ночной темноте. Теперь уже никто не мешал. Какити вздохнул с облегчением и снова вернулся под свой навес. Дождь почти перестал. Какити еще раз внимательно прислушался, но кроме шума капель дождя, падающих с дрожащих листьев криптомерии перед храмом, ничего не было слышно.

Было одиннадцать часов вечера. Порядочные люди уже легли спать, и настало время воров.

– Сейчас передохну, и за дело, – подумал Какити. Только он собрался с духом, как слева на дороге показался одинокий огонек.

– Да кто же это, в такой час!

В смятении Какити снова прижался к стене храма. Огонек приближался невыносимо медленно. Так медленно, что Какити готов был затопать ногами от досады. Его лицо перекосила злобная гримаса – ну почему все время кто-то мешает!

Злобно следя за приближающимся огоньком, Какити про себя вскричал:

– Да чтоб вы провалились!

И, словно услышав его голос, огонек фонарика остановился прямо перед воротами храма. Женский голос произнес:

– О-Тиэ, давай здесь немножко передохнем.

Голос был очень слабый и тихий. Тут же отозвался другой голосок, звонкий, как у исполнителя детских ролей в театре:

– Mamочка, еще болит?

Какити вытянул шею и увидел, как в ограду храма, держась за руки, вошли молодая женщина лет двадцати пяти и девочка лет шести-семи, явно собираясь отдохнуть с дороги. Какити готов был заплакать от злости.

Черты лица женщины были прекрасны, но волосы в беспорядке, и даже при слабом свете фонаря было видно, что она смертельно бледна. Обе были одеты очень скромно.

– Что такое, больная, что ли, – подумал Какити, снова втягивая голову в плечи.

Может, матери стало плохо и она пошла к врачу за лекарством. А ребенка взяла с собой на всякий случай. Если больная, то ничего не поделаешь. Раз такие дела, не будешь же их выгонять. Он решил спокойно дожидаться, пока эти двое уйдут.

– Mamочка, погладить спину? – спросила девочка. Обе присели на приступочку у дверей храма.

– Прости меня.

– Лучше бы мы не ходили к папе, – не по-детски рассудительно произнесла девочка. – Папа-то как рассердился, а эта его тетя нас и на порог не пустила.

– Mamочка и не хотела идти, – сказала мать. Голос прозвучал глухо и отрешенно, словно она думала о чем-то другом.

– Понимаешь, мы просрочили уплату за лавку. И хозяин сказал нам убираться. Была бы я здорова, как-нибудь уладила, да только вот болею все. Делать нечего, пошла за деньгами к папе.

– А почему папа не приходит домой, а живет в том доме?

– Ну, почему, почему..., – безо всякого выражения отвечала мать. – Наверное, ему больше нравится жить с той тетей, чем с мамочкой. На дочку не посмотрел, ушел от меня к молодой.

– Он уже не вернется?

– Не вернется, нет.

«Какая скотина!», – подумал Какити. Это относилось к мужу женщины. На Какити волной накатила злоба. Из всего услышанного он заключил, что женщина с ребенком попали в трудную ситуацию. Бросив больную жену и дочь, этот мужчина спутался с молодой полюбовницей и ушел к ней. Брошенная жена не может внести плату за лавку, и хозяин их выгоняет. Похоже, дело обстоит именно так. Поэтому женщина и решила пойти к мужу, но с дурного куста и ягода пуста.

– И нечего было ходить! – забывшись, почти прорычал Какити.

О-Хару – так звали жену Какити. Он тогда работал в кузнице, трудился, не покладая рук. О-Хару только еще ожидала рождения ребенка, была беременна. Богатством это не назовешь, но они пользовались доверием у хозяев, и денежки понемногу текли в карман, поэтому жили в достатке. Руки у Какити были золотые, он уже собирался отделиться от хозяина и самому принимать заказы.

Как он тогда был счастлив, хвастаясь беременной О-Хару, что наймет двух подмастерьев! Горе налетело на семью Какити неожиданно, как ураган. Смерть унесла О-Хару и не родив-

шегоса еще ребенка. Поначалу принятая за легкую простуду болезнь пошатнула ослабленное беременностью здоровье О-Хару, поднялась высокая температура, и она в одночасье умерла.

– До того равнодушный к спиртному, Какити начал попивать сакэ, вскоре он уже стал напиваться и не приходил в кузницу. Поругавшись с хозяином, бросил работу. Потом он стал наниматься поденным рабочим, а когда работы не было, валялся дома – так он и жил. За что ни возьмется – нет интереса. Он решил зарабатывать себе только на пропитание, но порой даже это казалось ему обременительным.

Однажды, слоняясь по городу, Какити увидел перед лавкой дом, обнесенный со всех сторон красно-белыми полотнищами. Похоже было, что там шло какое-то пышное празднество, деловито входили и выходили люди, из дома доносились веселые голоса и смех. Именно этот доносящийся из дома смех внезапно вывел Какити из себя. Взрывы смеха раздавались один за другим.

– Чему можно так весело смеяться? – подумал Какити.

Сознавая всю нелепость своих чувств, он все же не мог сдержать рвущейся наружу из глубины души темной злобы. Если разобраться, эта злоба была не что иное, как протест против людского счастья.

В душе Какити до этого момента, слабо мерцая, теплились чудесные воспоминания о счастье, которое он держал в руках. Какити и жил только своими воспоминаниями. Но счастливый смех, долетавший из этого дома, словно развеял по ветру призрачные воспоминания и заставил осознать, что его счастье разбито, и уже ничего не осталось. Множество смеющихся голосов провозглашали – мы счастливы!

Счастливые люди насмеются над несчастным – вот что прозвучало для Какити в нестройном хоре голосов, доносившихся из дома. Тогда он не думал, что на свете есть и счастье, и горе. У него не возникло и мысли о том, что счастливые счастливы не навсегда, а несчастным, может быть, еще улыбнется счастье. В его сердце вдруг хлынула бескрайняя ненависть ко всем счастливым людям.

Этой же ночью Какити как ночной зверь пробежал по уснувшему городу, добрался до места, где днем раздавался смех, залез в дом и украл деньги.

– О-Тиэ, ты проголодалась, наверное, прости меня.

– Я не голодная.

– Нет, если проголодалась, скажи, что проголодалась. Если будешь очень примерной девочкой, мамочка расстроится.

– Тогда проголодалась.

– Ну конечно. Уже столько времени прошло. Когда придем домой, займем риса у О-Суэ, и я сварю тебе поесть, так что потерпи немного.

От этих слов у Какити слезы навернулись на глаза. Ему на миг показалось, что это разговаривают его покойная О-Хару с девочкой. Что же он натворил, этот мерзавец! Уйти от такой замечательной жены и дочки, бросить семью и искать счастья на стороне – да это просто по-свински!

– Ну что, пойдём потихоньку?

– Ты сможешь идти?

– Смогу. Мы с тобой уже много прошли, да, О-Тиэ? Ты, как раньше, возьми мамочку за руку.

Обе поднялись. Какити торопливо подался вперед и выглянул из-за угла храма. Женщина и девочка, еле передвигая ноги, ползли как улитки. Мать выглядела очень слабой.

– Она, пожалуй, не дойдет....

Стоило Какити об этом подумать, как женщина, едва выйдя на дорогу, вдруг пошатнулась, наклонилась вперед и упала на колени. Девочка заплакала.

– Я же говорил, я же говорил! – с громким криком Какити выскочил из своего убежища на дорогу. Застыв от испуга, крепко прижимая ребенка к себе, мать смотрела на внезапно появившегося мужчину. В ее широко раскрытых глазах плескался страх, и все же она была очень красива. Какити торопливо сказал:

– Не подумайте чего плохого. Я тут как раз от дождя прятался, а вы и пришли, мне бы раньше надо было выйти. Простите, что напугал вас.

Какити помог женщине подняться. Заметив круглые от страха глаза девочки, погладил ее по головке.

– Меня звать Какити. Я точильщик из Фунагава. Я человек честный, не бойтесь.

– ....

– Куда вы идете?

– Нам нужно в район Томигава, что в Фукагава...

– Вот надо же, это как раз по соседству, – весело сказал Какити. – Пойдемте, я провожу. Отсюда далеко, да с ребенком, пока дойдем, уже светать начнет.

– Не утруждайтесь, пожалуйста, – ответила женщина. Похоже, она еще немного опасалась Какити. Может, из-за этого, подумал он и торопливо сдернул с головы черную воровскую повязку.

– Не отказывайтесь, госпожа!

– Нет, не надо, пожалуйста. Мы уже уходим, а вы можете идти себе.

– Как скажете, – отозвался Какити.

Он не двинулся с места, стоял и смотрел, как обе двинулись в путь. Не пройдя и двух шагов, женщина снова пошатнулась и опустилась на колени.

Вцепившись в руку матери, девочка обернулась к Какити. Он подошел, присел на корточки перед стоящей на коленях женщиной и молча подставил спину. Похоже, женщина какое-то мгновение колебалась, но, наконец, словно из последних сил, повалилась на спину Какити.

– Так вышло, что я слышал ваш разговор, – сказал Какити, переходя через Третий мост. – Сейчас, госпожа, будет моя лавочка, там и восстановим силы.

Тут тело женщины, до этого тихо лежащей у него на спине, словно обессилело и внезапно потяжелело. Женщина не отвечала, но Какити и не ждал ответа, только слегка покачал спящее тело. На секунду ему показалось, что когда-то это с ним уже было: он шагает по ночной дороге при неверном свете фонаря с женщиной на спине, сжимая в руке маленькую ручку ребенка. Уже невозможно было поверить, что совсем недавно он собирался обокрасть лавку Оцуя.

Дождь совсем перестал, и в ночном небе засияли звезды.

Перевод с японского Е. Л. Фроловой